

Артемий Плеханов

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
аспирант 3 курса
plekhanov.art.alex@gmail.com

УКРАИНСКАЯ ДЕКОММУНИЗАЦИЯ: БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО¹

Проблематика инструментализации прошлого за последние десятилетия оказалась важным объектом изучения социальных и гуманитарных наук. Существующий «бум памяти» в мире есть следствие последних волн демократизации, и опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, в частности, Украины, представляет собой один из случаев того же порядка².

Тематика исследования исторической политики, культурной памяти, использования прошлого как политического ресурса активно исследуется как украинскими и западными исследователями, так и российскими, в том числе следует отметить работы А. Ассман, Я. Ассмана, У. Блекера, Я. И. Грицака, Т. Ю. Журженко, Г. В. Касьянова, О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера, Дж. Олика, Дж.-П. Химки, А. Эткинды и др.³

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099.

² *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М., 2015. С. 13–14.

³ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика М., 2014; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Blacker U., Etkind A., Fedor J.* (eds.). *Memory and Theory in Eastern Europe.* New York, 2013; *Грицак Я. И.* Страсти за национализмом: Стара історія на новий лад. Київ, 2011; *Грицак Я. И.* 26-й процент, або Як подолати історію. Київ, 2014; *Журженко Т.* Гендерные рынки Украины: Политическая экономия национального строительства. Вильнюс, 2008; *Касьянов Г. В.* Danse macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Київ, 2010; *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013; *Миллер А. И.* Историческая политика в России: Новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. С. 328–367; *Olick J. K.* The Politics of

События украинского политического кризиса 2013–2014 гг. привели к смене власти и повлекли за собой серьезные изменения как в общественном дискурсе, так и в сфере реализации символической политики. Пришедшая к власти контрэлита для утверждения собственного символического господства возвела спонтанные общественные практики и дискурс «низвержения» советско-ностальгического нарратива в ранг государственной политики⁴.

9 апреля 2015 г. Верховной Радой Украины был принят пакет законов, которые легализовали разрушение и устранение с поля символической политики советского-ностальгического нарратива и его потенциальную замену на национальный / националистический⁵. Ключевым из них для легитимации процесса декоммунизации стал закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики». Закон запрещает публичное использование символики и атрибутики республик СССР и регулирует изменения в топографии населенных пунктов и названий внутри городов, которые приравниваются к символике коммунистического тоталитарного режима, санкционирует разрушение артефактов советской символической власти⁶.

Этот нормативный документ был инициирован и принят Верховной Радой (без широкого обсуждения) благодаря его активному продвижению Украинским институтом национальной памяти (далее — УИИП) и лично его директором В. Вятровичем⁷. Этим же

Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York; London, 2007; *Himka J.-P.* Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History // *The Convolutions of Historical Politics*. Budapest, 2012. P. 211–238; *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных. М., 2016.

⁴ *Гайдай А. Ю., Любарец А. В.* «Ленинопад»: Избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // *Вестник Пермск. ун-та*. 2016. Вып. 2(33). С. 32–35.

⁵ *Касьянов Г. В.* Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: Начало XXI в. // *Историческая экспертиза*. 2016. № 2. URL: http://istorex.ru/page/kasyanov_gv_istoricheskaya_politika_i_memorialnie_zakoni_v_ukraine_nachalo_xxi_v.

⁶ Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки». URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/317-viii>.

⁷ «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945» (закон № 315-VIII); «О доступе к архивам репрессивных ор-

институтом были составлены списки населенных пунктов, названия которых приравниваются к символике коммунистического тоталитарного режима и должны быть изменены, а также исторических персонажей, чья деятельность попадает под действие законов о декоммунизации. В данной работе будут рассмотрены общеукраинские тенденции декоммунизации топонимики городов и сел как затрагивающие большую часть населения Украины, так к концу 2016 г. было переименовано 987 населенных пунктов⁸. Таким образом, мы попытаемся ответить на несколько вопросов:

Кого декоммунизируют? Какие регионы Украины почувствовали декоммунизацию сильнее?

Как изменение исторической политики, связанное со сменой элит и выстраиванием нового пантеона героев, повлияло на декоммунизацию названий городов и сел?

Следует отметить, что в настоящее время в литературе отсутствует консенсус по поводу понятийного аппарата того, что обозначается как политическое использование истории. В данной работе декоммунизация главным образом будет рассматриваться в рамках концептов символической власти и символической борьбы П. Бурдьё.

Данная концептуальная рамка позволяет нам интерпретировать действия политической элиты, включенной в символическую борьбу за навязывание определенного социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам. При этом поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций. Таким образом, анализируя символическую борьбу, мы видим, как протекает процесс изменений социальных и символических практик украинских элит.

Они могут вести эту борьбу напрямую, через символические конфликты повседневной жизни, на уровне дискуссий по поводу переименования улиц, скверов, городов. Либо «по доверенности» — через

ганов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (закон № 316-VIII); «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (закон № 314-VIII). URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/315-19?test=4/UMfPEGznhht3L.ZiFRwjvIH4xQs80msh8Ie6>; URL: <http://dn.archives.gov.ua/repressii.html>; URL: http://ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150314.html.

⁸ Підсумки реформи декомунізації у 2016 році // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/ponad-50-tisyach-vulits-zminili-nazvi-vprodozvzh-2016-roku>.

борьбу, в которую вступают специалисты символического производства, как это происходит с деятельностью УИНП⁹.

Вместе с тем следует отметить, что не всякая реализация символической власти может оставаться в поле легитимного символического насилия. Ярче всего это можно увидеть в отношении понятия *историческая политика*. А. И. Миллер обращается к данному понятию, чтобы показать ту сферу реализации символической власти, которая представляет собой особую конфигурацию методов, практикуемых политическим элитами, общим для которых является «использование государственных, административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты». Иными словами, это реализация государством арсенала символических практик, которые перестают казаться сами собой разумеющимися, теряют эффект квазимагичности и получают критическую реакцию от общественных и профессиональных организаций.

УИНП был составлен список 540 исторических персон, подпадающих под декоммунизацию, в нем указаны имена, годы жизни и исторические факты, в которых описаны «преступления упомянутых лиц»¹⁰. Он был проанализирован по двум параметрам: во-первых, по принадлежности исторических персон к определенному региону или стране; во-вторых, по обвинениям, в соответствии с которыми люди были внесены в этот список.

Говоря о связи с региональной спецификой, следует отметить, что около половины всех лиц не связаны с Украиной. Большая доля всех исторических деятелей — 37% (здесь и далее от общего числа) — это деятели РСФСР и центральных властей СССР, воспринимающиеся и ассоциирующиеся с Россией. Доля деятелей, связанных с другими республиками СССР (исключая РСФСР), составляет 5%, иностранных деятелей 4%. Число деятелей, связанных в целом с УССР, составляет 5%, в региональном же разрезе можно выделить определенный перевес областей востока и центра страны. 16% деятелей связаны с Донбассом, 10% с Днепропетровской областью, 7% — с Харьковской, 5% — с Киевом и Киевской областью, 3% — с Черниговской областью, остальные области Украины все вместе составляют не более 8% от общего числа.

⁹ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 92–93.

¹⁰ Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu>.

По обвинениям, которые им вменяются, можно выделить несколько основных групп исторических персон. Первая, самая многочисленная группа — это участники революции и Гражданской войны на стороне красных — 50%.

Период революции и Гражданской войны «переформатируется», исключая «красных», разрушая оппозицию красные vs. белые. Можно зафиксировать ориентацию на нарратив национального освобождения, в котором деятелям УНР, ЗУНР, Гетманской державы противопостоят «красные» и «белые» «оккупанты». Следует отметить неоднократное обвинение деятелей революционной борьбы именно в том, что они воевали с УНР. Второе место по численности занимают деятели коммунистической партии, советов и иные персоны, чьи должности были связаны с политической деятельностью — 19%. На третьем месте деятели спецслужб: ЧК, ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, а также работники судопроизводства РСФСР и СССР — 18%. Деятели, связанные с хозяйственной сферой, составляют 5%, и практически столько же — 4% — деятели сферы культуры и искусства.

На основании этого списка, а также закона о декоммунизации в 2015—2016 гг. был принят ряд практических решений по декоммунизации, был составлен список рекомендаций к переименованию населенных пунктов¹¹. Всего на первом этапе в 2015 г. было решено переименовать 871 населенный пункт, в 2016 г. список увеличился до 988. Переименование происходило в несколько этапов. Первое постановление о переименовании было принято Верховной Радой 4 февраля 2016 г. и затронуло 173 населенных пункта; следующее постановление прошло 17 марта 2016 г., в ходе которого был переименован 151 населенный пункт. В мае 2016 г. несколькими постановлениями было переименовано 579 населенных пунктов. Таким образом было переименовано более 900 населенных пунктов.

Можно зафиксировать несколько основных моделей изменения названий в городской и сельской местности. Первая модель — «изъятие советского» — заключается в удалении из названия беспокоящего и связанного с советским историческим нарративом символа, при этом часть советского названия может оставаться неизменной.

¹¹ Рекомендації до перейменування // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/rename>.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Червона Українка	Українка
Червоний Київ	Київ
Червонозаводское	Заводское
Колгоспна Гора	Гора
Красні Окни	Окни
Зоря Комунізму	Зоря

Вторая модель — «кардинальная смена имен» — предполагает изменение названия населенных пунктов на совершенно новые. В рамках этой модели можно выделить две основных тенденции. Во-первых, это характерная для этносимволизма любовь к природе. Также принятие этих названий было попыткой не допустить возвращения исторических названий городов как в случае Днепропетровска (Екатеринослава), Комсомольска (Старониколаевска). Еще ярче это отразилось в переименовании сел, когда массовые советские названия, такие как Жовтневе, Леніне, Петрівське изменились на новые массовые названия Вишневе, Степове, Калинівка и др.

<i>Города:</i> Комсомольськ → Горішні Плавні Днепропетровск → Дніпро Іллічівськ → Черноморск Котовск → Подольск	<i>Села:</i> Вишневе 22 шт. Калинівка 13 шт. Лісове 10 шт. Степове 27 шт.
---	---

Во-вторых, новые названия вписываются в национализированный исторический нарратив, особенно популярен казацкий миф: с. Українське (3 шт.), с. Шевченківське (2 шт.), с. Козацьке (3 шт.), с. Гайдамацьке, г. Кропивницький. Вместе с тем мы видим, что эти герои во многом уже были актуализированы советской украинской национализацией и маркировались государством как прогрессивные культурные деятели.

Третья модель — «возвращение к историческим названиям» — таит в себе несколько проблем. С одной стороны, это опасность воспроизводства колониального дискурса, о которой говорят первые лица государства и научные деятели¹². С другой — проблема того, что «исторические» названия могут совершенно не вписываться в со-

¹² Проект Закону про внесення змін до Закону України «Про географічні назви» щодо встановлення географічних назв // Офіційний сайт Верховної Ради. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56887.

временный украинский нарратив, который оставляет за скобками деятельность российских правителей. Таким образом, мы видим, что происходит возвращение к нейтральной топонимике.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Фрунзовка	Захарьевка
Днепродзержинск	Каменское
Червоноград	Кристинополь
Червоноармейск	Пулины

Отдельного упоминания заслуживает законопроект № 3368 «О внесении изменений в Закон “О географических названиях”», в котором предлагается запретить называть населенные пункты именами российских монархов, государственных, политических, военных деятелей периода XIV–XX вв., дабы, как отмечается в пояснительной записке, «не допустить пропаганды империалистического порабощения Украины». Закон был отправлен на доработку, но ввиду складывающихся тенденций его принятие во многом логично и прогнозируемо.

Четвертая модель — «символическое сопротивление декоммунизации: изменения с минимальными последствиями». Следуя логике политолога Дж. Скотта, данные изменения можно отнести к стратегии силы слабых. Когда изменения не желаемы, возникает симуляция изменений, языковая игра, саботаж — об этом свидетельствует изменение ряда названий. Советское символическое господство таким образом исчезает, и названия оказываются вышедшими из поля советской гегемонии и не подчинившимися новым требованиям современных властей Украины.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Петрівське	Петрівка
Володимиро-Ульяновка	Новоулянівка
Іллічівка	Ілчанка
Радсад	Радісний Сад
Червоне Знамено	Червоне
Незаможник	Заможне
Червона Зірка	Зоряне
Віленка	Вільне

Декоммунизация стала в первую очередь средством отстранения от общероссийской / общесоветской истории, она является инструментом разрушения «артефактов» советского исторического нарратива.

Из украинских регионов более всего задеты индустриализованные регионы востока и центра Украины, поддержавшие советскую власть в начале XX в. — регион бывшей Донецко-Криворожской Советской Республики (Донбасс, Харьков, Днепропетровск), Черниговская область и Киев.

Как отмечает П. Бурдые, «Символическая власть как власть квазимагическая, благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой, но лишь при условии, что эта власть признана, т. е. не воспринимается как произвол». Данного положения добиться сложно, и периодически декоммунизация выливалась в митинги и протесты, особенно в городах, жители которых не желали переименований, навязанных сверху¹³. Поэтому власть, ввиду неспособности продавить силой свое решение, была вынуждена пойти на реализацию слабой, апофатической программы завоевания символического пространства в ходе декоммунизации. Новая повестка дня исторической политики не могла быть осуществлена в декоммунизации топографии городов и сел ввиду нескольких причин.

Новый пантеон героев, который в последние три года стал активно транслироваться, прежде не получал общенационального одобрения и не вызывает эмпатии у населения до той степени, когда в их честь называются населенные пункты. Характер декоммунизации принимает вид радикального разрыва с прошлым, которое однозначно маркируется как преступное и подлежащее осуждению.

Гетерогенность украинской элиты и отсутствие достаточных средств для поддержки культурных индустрий приводят к тому, что политика памяти реализуется зачастую непоследовательно, без должной финансовой поддержки.

В заключение хотелось бы отметить, что подчиненные, доминируемые фракции господствующего класса (клерки или «интеллектуалы» и «художники», в зависимости от эпохи) всегда стремятся поместить на вершину принципов иерархии тот специфический капитал, владение которым обеспечивает их позицию. Таким образом, директор УИМП В. Вятрович реализует свои представления о пантеоне героев, образе Украины без советского наследия, героизме и невинности УПА, советском тоталитарном порядке при не столько общегосударственной поддержке, а скорее при попустительстве оного.

¹³ Жители Кировограда вышли на митинг против переименования города в Ингульск // Сегодня. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/zhiteli-kirovograda-vyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-goroda-v-ingulsk-684223.html>.